

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

В январе 2005 года я потеряла ещё одного своего единомышленника и друга, духовно близкого мне человека – Нину Сергеевну Могуеву. Общение с ней началось ещё с 1999 года на почве лекций и читательских отзывов, но быстро переросло эти рамки и стало чем-то гораздо большим. Я бережно храню все её письма – за шесть лет их было около ста. Мне до сих пор больно их перечитывать, и я долго не могла решиться написать о ней, всё собиралась с душевными силами. Оказалось, что писать о человеке, которого хорошо знаешь и любишь, гораздо труднее, чем о том, кого знаешь поверхностно. Ответственность слишком велика – перед своей памятью, совестью, правдой чувства, всё время надо соизмерять с ними каждое слово. Я рассортировала письма Нины Сергеевны по датам, по темам, намереваясь использовать их как содержательную основу своего обстоятельного рассказа о ней. И вдруг поняла, что не могу. Не могу их пересказывать, интерпретировать, композиционно выстраивать. Это был слишком живой материал, он не поддавался никакой «обработке». И тогда я решила: пусть об этой женщине расскажет она сама. Ведь только живые свидетельства – дневники, письма – способны передать другим поколениям настоящее содержание жизни, её дыхание.

Итак, письма Нины Сергеевны Могуевой. С некоторыми сокращениями, но в которых я не изменила ни слова.

Из письма от 30 марта 1999 года. «Уважаемая Наталья Максимовна! Недавно я слушала Вашу лекцию об Анне Ахматовой и Амедео Модильяни. Я получила огромное наслаждение – очень содержательно и высокохудожественно. Давно такого не слышала. Спасибо Вам.

А потом было знакомство с Вашей книгой «Публичная профессия». Сначала мне дали прочесть отрывки из этой книги, касающиеся объединений самодеятельных поэтов (глава «Впервые» – Н.К.) «...такой-то процент из них – шизики, остальные – графоманы, ничего не читающие, кроме своих стихов». Я была удручена прочитанным. Я пылала праведным гневом. Но как-то вдруг вспомнила своё знакомство с одной самодеятельной поэтессой. Мне нравились её стихи, сама она казалась интересным человеком, но очень скоро я заметила, что единственная интересующая её тема – это она сама.

Однажды я прочла ей стихотворение Б.Ахмадулиной «Свеча» и последние строки, от которых у меня замирало сердце: «И нежный вкус родимой речи так чисто губы холодит». Я смотрела на неё с

восторгом и ждала ответного чувства, но она уставилась на меня пустым взглядом и сказала: «Ну и что? Ничего не понятно, при чём тут вкус...». И я поняла, что ничего-то её не интересует. Да, я это вспомнила. Но всё равно – как много мне хотелось сказать Вам в защиту этих пишущих стихи людей. А вскоре я прочла Вашу книгу, и Вы всё там сами сказали, и сказали лучше меня».

«Читаю я, читаю Вашу книгу, и начинает появляться желание послать Вам свою книжку стихов. Стихи писались какими-то периодами в течение многих лет. Об издании их даже отдалённо не было мысли. И вот только на седьмом десятке лет я, подкопив денег, издала самым примитивным способом – для самых близких – 60 экземпляров книжки стихов. Другим нравились мои стихи, но ведь это друзья. А хочется знать мнение профессионала. Пусть оно будет любимым, я не заполучу инфаркт (обещаю!). Имею ли я право отнимать Ваше время и внимание, ведь Вы так заняты? Но вспоминаю, что Вы покупаете сборники саратовских поэтов и читаете их. Значит, Вам интересно. (Не может быть и речи о том, что я причисляю себя к поэтам. Это звание слишком высоко. Просто «случаются» иногда стихи. Как-то само собой это происходит...) Пожалуйста, прочтите мою книжку и скажите своё слово. Я знаю, что стихи уж слишком простые – до примитивности, но по-другому не умею («румяная няня простота»!)).»

Я уже не помню, что писала тогда, в 99-м, в своей ответной рецензии на книжку Н.С. Могуевой. Но... «когда человек умирает» – изменяются не только его портреты, но и стихи его приобретают несколько иной смысл. Вот передо мной этот почти самиздатовский сборник с дарственной надписью: «Уважаемой Наталье Максимовне на суд праведный мои стихи с тайным желанием и почти без надежды попасть в «ЖИВОЕ». Н.С. Могуева». И приписка: «Желаю нас почаще в зал вести, шагайте смело мимо зависти. Творческих Вам успехов. 1999 г. – год Пушкинского юбилея».

«Чекан души» – так назвала она свою книжку. Смысл названия проясняет эпиграф: «Древний персидский поэт Саади считал, что человек должен жить не менее 90 лет. Он делил жизнь человека на 3 периода. Первые 30 лет человек должен приобретать знания. Вторые 30 лет он должен странствовать по земле. Третьи 30 лет человек должен посвятить творчеству, чтобы оставить миру «ЧЕКАН СВОЕЙ ДУШИ». Открываю первую страницу:

Я вчера была травинкой,
я под тёплым солнцем млела,
надо мной на паутинке
капля светлая блестела.
И сидел на смолке липкой

серенький кузнечик-крошка,
и, настраивая скрипку,
грациозно двигал ножкой.
Медленно ползла букашка
по соломинке-дорожке,
и тянула вверх ромашка
к солнцу белые ладошки.
«Быть травой подольше мне бы» —
на поляне я мечтала,
где под светлым, синим небом
тёплым ветром нас качало.
На Кумыске было это.
Рядом ты со мной сидела.
А вокруг сияло лето,
всё цвело, смеялось, пело!

Листаю дальше:

...И шелест листьев слушая,
блаженно мы молчали,
припав к природе душами,
забыв про все печали.

«Очарованная душа» – подумалось мне. Какая светлая лирика, какая свежесть чувств, непосредственность. И это пишет человек, которому за 70! Кажется, что-то подобное я тогда и написала ей. Ответ не заставил себя ждать.

Из письма от 9 апреля 1999 года. «Наталья Максимовна, спасибо Вам за добрые слова обо мне. Когда-то давно-давно я написала стихотворение: «Моим самым первым и самым верным друзьям» – семье профессора А.П. Победоносцева. Он руководил моим чтением, был моим большим другом (с его дочкой я сидела на одной парте, их семья была второй моей семьёй, а мои дедушка и бабушка, которые меня воспитывали, были «врагами народа» и находились в известном месте по этой причине).

Мне мудрый друг судьбою дан
на зависть всем – Ромен Роллан.
Я много лет его люблю
и никому не уступлю.
Давно он прозвище дал мне:
какое-то «L'ame enflamme».
Ну – скажет кто-нибудь – загнул!
А может, в душу заглянул?

Александр Павлович звал меня «Очарованная душа», а я его – «Ромен Роллан». Он мне открыл этого писателя. А вот теперь и Вы меня так называли».

Из стихов Н.С.Могучевой:

«L'ame enflamme»*

Я придумаю чудо,
и верю, и верю ему...
Околдуют вдруг душу
яблони в белом дыму,
и мелодии отзвук,

далекий, щемящий,
вдруг наполнит меня
ожиданием счастья.

Я придумаю чудо,
как хочется верить ему!

А обманет оно,
что ж, за это судьбу не клянусь.
Погрущу, но с мечтою своей не расстанусь.
И придумывать новое чудо я стану.

«Спасибо, спасибо, спасибо, дорогая Наталья Максимовна, за все тёплые искренние слова, что Вы мне сказали (а слово «спасибо» – это сокращённое от «Спаси Бог»). Спаси Вас Бог не только за это письмо, а за всё Ваше творчество, к которому я впервые (надо же такому быть!!) прикоснулась.

В тот же вечер после Вашего творческого вечера я написала стихотворение – в нём, конечно, полно недостатков, но то, что оно вырвалось из души – не сомневайтесь.

Встреча

Наталье Кравченко

Мы жили под одними небесами,
и Волга нам нашёптывала сказку,
и Муза, прилетая к нам ночами,
дарила вдохновение и ласку.

Пути Господни неисповедимы,
идём наощупь мы в кромешной мгле.
Подумать только, что вполне могли мы
не встретиться на суетной земле.

Но что это?.. Остановись, мгновенье!
О, как стихи свежи и хороши!
Печаль и страсть, и счастье озаренья –
я заглянула в «Логово души».

Спасибо Провидению за встречу.
(И как же долго я шагала к ней!)

---

*Очарованная душа

На Ваш призыв всем сердцем я отвечу.
Я пью стихи и жизнь люблю сильней».

Аура этой удивительно юной, влюблённой в жизнь «очарованной души» просвечивала, светила сквозь угловатость и несовершенство строк, и под её обезоруживающим душевным обаянием хотелось простить все стиховые огрехи. Да, многое в её стихах было банально. Но банально солнце, небо, лесная роща и ещё много других прекрасных вещей, которые, тем не менее, нас греют в жизни. Читая эти стихи, не сделаешь открытий, не испытаешь потрясений, но от них делается светлее и чище на душе. А это уже немало. Во всяком случае, душевная теплота этой простенькой музыки мне симпатичней холодного эстетства умничающих, но внутренне пустых стихов. Как говорил Амвросий Оптинский: «Где просто – там ангелов со сто, а где мудрено – там нет ни одного». В стихах человек виден весь, он не спрячется за красивой надуманной строкой. Мне нравится, что Нина Сергеевна не рядится в платье с чужого плеча, не боится быть собой, говорить своим языком. Вот трогательное стихотворение «Пегас»:

Ах, как язык мой беден, скуп...
Я глажу шелковистый круп,
перед Пегасом в виде взятки
душистых трав кладу охапки,
надеясь, что, дары вкусив,
взлетит и облегчит мне муку...
Но конь крылатый, морду опустив,
лизнул мне виновато руку.

«Я внимательно и несколько раз прочла Ваши замечания к моим стихам. Много я и сама чувствую, мне кажется, что чутьё у меня есть, но мало умения. И уж с этим, наверное, теперь ничего не сделаешь. Моя беда в том, что я совершенно не умею работать над стихом. Я ничего не умею сочинять. Вот как стих вышел из души – так и есть, и ничего с этим я не могу поделать. Единственное, что меня прощает в какой-то степени – мои стихи (и мои книги) – только для близких, за них никто не заплатил ни копейки, а значит – им могут быть прощены недостатки».

Как-то руководитель литобъединения при Пушкинской библиотеке, куда ходила одно время Нина Сергеевна, попытался «подредактировать» её стих, дописав к нему своё четверостишие. Результатом этого «хирургического вмешательства» стало такое стихотворение Могуевой:

СТИШОК

*Стих мой несчастный,
стих мой калека,
видеть в тебе
не хотят человека.*

Н.Кравченко

Каким был солнечным апрель!
Звенела радостно капель.
Родился в ту весну стишок,
как будто в поле колосок.
Совсем в нём не было идей,
но всё ж он радовал людей.

Прошло уже немало лет.
Состарился его поэт.
А с ним состарился стишок,
весёлый маленький сынок.

Но тут пришёл профессионал
и строго так стишку сказал:
«А ну-ка подойди, дружок».
Послушно подошёл стишок.

«Дружок, ты должен быть культурным».
По правилам литературным
четыре строчки он добавил –
как будто бы костыль приставил.

И захромал тогда стишок...
К поэту своему пришёл, –
«Я твой сынок», – ему сказал.
Но тот сыночка не узнал.

Опять была весна, звенел ручей.
Рыдал стишок: «Ничей, ничей, ничей!»

«Я оставляла Ваш сборничек и занималась делами, но тут же хватала его и снова читала и перечитывала. («В логове души» – Н.К.). Наталья Максимовна, никогда не говорите, что Вы – безбожница. Все Ваши стихи проникнуты обращением к Богу – такие прекрасные, светлые слова! «Творец Высокий», «Тайна вещей божественных слов», «Божий глас», «Божьи дети», «В святейшем храме», «немота, переводимая на живой язык Христа», «невидимый Творец», «небесный хлеб души», «утоли моя печали» – разве всё это мог написать человек без Бога в душе?! И Вы же сами понимаете и чувствуете: «Жизнь беспросветна, безбожна, животна», – да, вот такая она, жизнь, если она безбожна!

Наталья Максимовна, я, к сожалению, не глубоко религиозный человек. Мало того, большую часть жизни я была воинствующим атеистом. Но, как сказано в Коране (чужая нам религия, но Бог един): «Невеждам не суждено познать Бога, они остановились на достигнутом и вяло плывут по течению». Вы же постигли Бога. Да, я целиком разделяю Ваш взгляд: Бог внутри нас. Единение с Богом должно быть не с крестом на декольте и не со свечкой в руке у всех на виду, а в очень личном, интимном, душевном общении, в чистоте души, в доброте, в любви к людям, природе, животным и т.д.

Набожность напоказ,
вера лицом наружу.
Бог не на небе – в нас!
Взор обратите в душу.

Да, это – в самую точку! Во второй половине жизни я очень много читала (библию, журналы «Наука и религия», «Свет», «Природа и человек», «Наше наследие» и др.), закончила заочную библейскую школу. Меня очень интересовали вопросы религии, особенно их пересечение с наукой – многое я поняла и прониклась сознанием того, что этот удивительный мир с его непреложными законами не мог появиться вдруг из ничего. Что есть (!) Высший Разум, Высшая сила. Я почувствовала себя частицей этой силы, её созданием. Мне стало легче и радостней жить. Ну, ладно, это очень большая тема, всего сразу не скажешь.

Я пишу Вам письмо, а Вивальди водит мою душу по райским кущам «Вре́мён года». Сыночек подарил мне японскую магнитолау. Это такая радость!»

Из письма от 30 марта 1999 года. «...Вот знаете, Наталья Максимовна, как бы это объяснить?.. Я больше всего на свете люблю музыку. И слушаю её много и разной. (Чего стоят одни концерты оркестра Ленинградской филармонии под управлением Мравинского!) А недавно услышала мелодию, которая затронула такие струны души, о существовании которых у себя я даже не подозревала. Это было совсем новое, не изведенное никогда ощущение. Вот так и с этим стихотворением. Я закончила читать книгу в 12 часов ночи. Уснуть долго не могла. И около часа поднялась с постели и перечитала это стихотворение. Да, Вы правы, это истинная поэзия. Конечно, я имею в виду «Песню песней» Е.Крюковой (эссе «Живое и мёртвое» в книге «Публичная профессия» – Н.К.). Слово «потрясение» как-то избито. Но как ещё рассказать о том состоянии, в которое ввергло меня это

стихотворение?! («Сквозь меня просвистело копьё ослепительной молнии, жгучей и дикой»). И хотя там другой смысл, но стих этот тоже – просвистевшее сквозь меня копьё. Как это здорово – дожить до седых волос и сподобиться испытать такие неизведанные чувства, а уж, казалось бы, – море, океан прочитанного, откуда тут такие новые впечатления и потрясения?..

И, наконец, – «Собачья страна». Дорогая Вы моя Наталья Максимовна, так мы, оказывается, с Вами из одной страны, мы с Вами земляки. Сколько историй могла бы я рассказать Вам! Много, много лет я кормлю всех приبلудных собак и болею за них. Дорогая Наталья Максимовна, Ваш рассказ о Тэдди трогает до комка в горле. Дай Вам Бог силы и здоровья. Ф.Г. Раневская определяла людей по их отношению к животным. И это очень верно. Когда-нибудь мы с Вами объединимся и напишем книжку «Собачьи истории». Это очень нужно людям. А моё стихотворение «Жалко» – о том же».

Жалко!

Зелёная ветка лежит на дороге,
топчут её равнодушные ноги.
Была зелёная ветка, станет сухая палка.
Зачем сорвали ветку? Жалко!

Облезлая шерсть и хриплое «мяу!»,
а ей всего-то нужно так мало.
Смотрит робко в чужое окошко.
Добрые люди, покормите кошку.

Хвост поджат, ссохлись бока,
а в умных глазах такая тоска!
Как ужасно бездомным быть,
Боже, как больно, хочется выть!

Засыпало город снегом,
землю смешало с небом.
Сидит на сугробе голодная галка.
Как жалко их всех, как жалко!

А книжку о непридуманных собачьих историях я потом написала. И включила в неё несколько рассказов Нины Сергеевны Могуевой. Желаящих прочитать их отсылаю к своей книжке «Собачья жизнь» (Саратов, «Надежда» 1999 г. с.87–94).

А наше знакомство с Ниной Сергеевной продолжалось.

Из письма от 9 апреля 1999 года. «Немного о себе напишу: профессия – метеоролог (окончила метеорологическое отделение географического факультета СГУ). Работала в гидрометобсерватории

инженером, старшим инженером, начальником отдела. В 60-х и 70-х годах систематически выступала по телевидению с обзорами и прогнозами погоды. Много путешествовала. На байдарках пошла в поход в 51 год. Много лет веду дневник и когда его перечитываю, оказывается, что там совсем мало о моей жизни, а в основном – Пушкин, музыка, впечатления от концертов, от прочитанных книг. Когда исполнилось 70, я составила альбом и назвала его «Вехи жизни», а в начале написала свой девиз:

...для власти, для ливреи
не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.
По прихоти своей скитаться здесь и там,
дивясь божественным природы красотам,
и пред созданными искусствам и вдохновенья
трепеща радостно в восторгах умиления, –
вот счастье, вот права...

(А.Пушкин «Из Пиндемонти»)

Я прожила с мужем 40 лет, у меня два сына и трое внуков. Муж умер 9 лет назад. И был в моей жизни «эпизод-знакомство», которому уже 54 года, – с моей первой (и последней) любовью я переписываюсь 52 года. Неделю назад получила письмо от него – такое дорогое и милое! Мне жизнь (судьба, Бог!) сделала этот дорогой подарок. Это совсем необычный человек, – достигнув почти всех возможных высот (он профессор, народный артист, бывший солист балета Мариинского театра, лауреат Сталинской премии, сейчас преподаватель академии танца и зав. кафедрой хореографии академии культуры Петербурга), он остался простым, милым, добрым, обаятельным человеком. Наша дружба продолжается 54 года. Это чистый и прекрасный, и любимый мной человек, благодаря ему и их семье жизнь моя была пронизана искусством, балетом, Ленинградом. Ну, об этом тоже можно очень много рассказывать. И когда спустя 54 года после нашего знакомства я читаю в его письме: «ну, пиши почаще, дорогой дружочек», сердце моё замирает, как в молодости. «Ты звезда заветная на моём пути, слов, тебя достойных, не могу найти». О нём написана книга, а на книге он написал мне такие слова, которые я даже не смею повторить».

Из стихов Н. Могуевой:

52 года переписки

И опять пришла весна – не до сна,
в небе полная луна – так грустна.
Напиши мне письмецо, напиши,
пару строчек от души напиши.

Я не буду горевать, буду ждать.
Как года-то я опять буду ждать.
Всё текут, текут года, как вода,
и уходят, как всегда, в никуда.

Сколько было встреч и сколько есть –
не измерить их ничем и не счесть.
Вот загадка, просто чудо, просто смех,
почему ты до сих пор лучше всех?..

Улыбнулось вдруг луны лицо,
получила я твоё письмецо!

Нина Сергеевна пишет не только стихи, но и маленькие рассказы, похожие на стихотворения в прозе. Она называет их «Незабудками», потому что это память о незабываемых мгновениях жизни. Одну из таких «незабудок» мне даже захотелось переписать. Вот она.

Сквозь сказку

«Троллейбус несся сквозь метель. За стеклом, разрисованным снежным узором, мелькали расплывчатые цветные пятна – оранжевые и голубые от фонарей, красные, жёлтые и зелёные от светофоров и рассыпчатые цветные искры от праздничной иллюминации. На остановке впорхнули две девушки, раскрасневшиеся и весёлые. Они встали около меня, и я оказалась в облаке французских духов. Девушки щебетали о чём-то своём. Я смотрела на их молодые лица и вспоминала пушкинское: «девичьи лица ярче роз». И все мы вместе летели сквозь цветную оранжево-голубую сказку, мелькавшую за окном.

Вдруг послышался сердитый ворчливый голос: «Вот сапожник, а не водитель, как дёргает. А под ногами такая грязь – не убирают, что ли, троллейбус?» Я смотрела на эту пожилую женщину, и мне было её жаль. Ведь она тоже была окружена душистым облаком и тоже летела сквозь оранжево-голубую сказку. Но не видела этого. Бог обделил».

Кто-то, возможно, скажет: наивно, экзальтированно, прекраснодушно. А ведь это прекрасное слово – «прекраснодушие». Дон-Кихот был прекраснодушным. Иисус Христос. Мне многое стало понятно про Нину Сергеевну, когда она дала мне почитать свой «Дневник пенсионерки», который ведёт уже не одно десятилетие, вопреки уверениям Слуцкого, писавшего: «В 20 веке дневники не пишутся и ни строки потомкам не оставят». Штук десять толстых общих тетрадей, от которых, едва открыв, я уже не могла оторваться. Если бы их издать – это была бы интереснейшая книга, летопись

уходящей эпохи и той редкой породы людей, которую, к сожалению, уже почти не встретишь. Это настоящий учебник жизни, который на примере одной отдельно взятой судьбы учит, как быть счастливой, несмотря на старость, болезни, усталость, неурядицы, как научиться их преодолевать, как растить радость в своей душе.

А радость эта складывается из мелочей. Вот выпала свободная минутка – концерт Обуховой по радио – какое чудо! Достала книгу, которую давно искала – о, блаженство! Внучка пришла – она ставит ей любимую пластинку, разучивает с ней испанский танец, сочиняет ей сказку про «бывшую девочку», и внучка догадывается: «Бывшая девочка – это ты?» А она действительно бывшая девочка, то есть бывшая ею ещё совсем недавно, ещё не забывшая этого. Ведь что такое молодость?

«Это, – пишет Могуева, – не 18 и не 20 лет. Это состояние души. Если замечаешь, как пахнут цветы, как удивительно сверкает река, а на дорожках сада лежат кружевные трепещущие тени, если хочется остаться одной и прочесть любимые стихи или заветное письмо, и строки ложатся прямо в сердце, заставляя его то замирать, то биться часто-часто, и в душе возникает ожидание чего-то большого и радостного – это молодость».

У Нины Сергеевны два девиза в жизни, две заповеди, которым она неуклонно следует. Это слова И. Пущина: «Главное – не надо утрачивать поэзию жизни». И слова Андре Моруа: «На свете всегда будет существовать романтика для того, кто её достоин».

И ещё что привлекает меня в этой женщине – это её «биологический оптимизм», как она сама его называет. Вот, казалось бы, печальная дата – уход на пенсию. Для кого-то – повод для хандры, а для неё – повод для такого экспромта:

Жизнь моя, браво, брависсимо!
Наконец-то я независима
от бюрократических оков
и от начальников-дураков!

Или вот такое чудное стихотворение, которое называется

Весенняя прогулка вчетвером

Ожил мир, весенней песней
переполнена земля.
Мы с утра сегодня вместе –
Солнце, Небо, Внук и Я.
Всё вокруг звенит, сверкает,
будоражит взор и слух.
Мы кораблики пускаем –

Небо, Солнце, Я и Внук.
Кто видал весну такую?
Не поймёшь, где быль, где небыль...
Взявшись за руки, танцуем –
Внук и Солнце, Я и Небо!

Из письма от 11 апреля 1999 года. «Дорогая Наталья Максимовна, наш диалог продолжается. Конечно, Вы правы, – я – оптимист. Но очень весёлой меня не назовёшь. Жизнь наслоила такой бутерброд на душе! – бутерброд Андерсена. (Его любимый бутерброд состоял из 12 слоев). Был у меня в жизни ужасный период – такой ужасный, что страшно вспомнить. Мой старший сын начал пить. Кто этого не пережил, не может этого представить. Слава Богу, слава той силе, что он вложил в меня, и слава моему сыну, что он захотел покончить с этим. Ну а сейчас меня часто лишают радости два обстоятельства: 1) болею за детей, за внуков. Такой порой страх за них! 2) Второе обстоятельство, от которого ноет сердце – несчастные животные. Мне кажется, мне отпущено этого сверх меры, это просто отравляет мне жизнь. Не могу видеть кучу шевелящихся раков на базаре, не могу проходить по птичьему рынку, все зверюшки там причиняют мне боль – к кому они попадут, как будут складываться их судьбы? А уж бездомные – ужас! Вот вам и весёлая Нина Сергеевна. Была бы богатой – обязательно сделала что-то лучшее, чем наш приют. Делаю, что могу.

Всю зиму за окном в кухне висит сало (но сало стало таким дорогим! – не по карману) и кормушка для синичек и воробьев. А на сало ко мне прилетал дятел. Такой красивый!

Наверное, я могла бы Вам написать ещё несколько листов, но это уже просто неприлично. Завершая свою писанину, расскажу одну маленькую историю. Я слушала по радио чтение Ширвиндтом его книги «Былое без дум». Я хохотала до слёз (как над главой «Читая поэтов Саратова» из Вашей книги). («Публичная профессия» – Н.К.) Послушав несколько дней эту передачу, я не выдержала и написала ему письмо. Я обожаю этого актёра – Ал. Ширвиндта! И вдруг он присылает мне свою книгу (письмо понравилось). А когда вышла моя, я послала ему, – «Сэру Самюэлю Хармсу-эксквайру – с преданностью, достойной Монморанси» (помните фильм «Трое в лодке, не считая собаки» и чудного пса – Монморанси?). Сомневалась, дойдёт ли книжка. Он мне прислал рецензию в стихах:

Ваша книжка дошла.
Она мила, не пошла.

В ней нет графоманства и скуки,
в ней нет придуманной муки.
Благодарю за уверенья
в глубочайшем почтенье.
Живите по возможности весело.
Ах, если б от нас что-то зависело!

Вот такие добрые слова, почти Ваш отзыв. Но я знаю, что от нас многое зависит. Всё-таки несмотря ни на что мы сами строим свою жизнь.

Дорогая Наталья Максимовна, всего Вам доброго! Благодарю Вас от всей души за Вашу сердечность. Я позвоню. Будьте счастливы. Н.С.».

Из письма от 2 мая 1999 года. «Милая моя «любящая Любица»! Таким титулом наградила меня моя маленькая внучка, и теперь я с удовольствием делюсь им с Вами, дорогая Наталья Максимовна. Я давно знаю эту истину: есть сердца, созданные для любви. Читала, читала Вашу книгу («Будьте Вы благословенны» – Н.К.) и убеждалась, что Вы, Ваше сердце – из их числа. Когда-то давно я прочла у Р.Роллана, что все увлечения женщин – это только поиск той единственной – на всю жизнь.

Наталья Максимовна, дорогая, как знакомо мне это не вмещающееся в душе яркое и всепоглощающее чувство, когда хочется так много сказать любимому, но приходится включать реостат (так, кажется, называется прибор, который уменьшает постепенно свет люстр в театре?) и приглушать краски, подыскивать менее восторженные слова, в общем, «наступать на горло песне», рвущейся из души. Вот такое письмо я последний раз написала вчера, потому что было восемь часов на этой неделе возврата в юность, когда я смотрела плёнки, присланные из Ленинграда – города моей любви. Господи! Как я понимаю Вас!! Ваша «переписка» (ставлю в кавычки – не знаю, как это называется, когда письма только с одной стороны) с Дольским напомнила мне письма Пушкина к обожаемой жене: «Смотрелась ли ты в зеркало?.. А душу твою я люблю ещё больше...» А в ответ – молчание. Так воспринимают это потомки – ведь неизвестно ни одного письма Н.Н.

Многое, многое в Вашей книге я воспринимала как своё, близкое, прочувствованное мной. И Ваши «дольские» письма, кажется мне, – слово в слово, чувство в чувство – мои многолетние письма в Ленинград. Нашей переписке (но обоюдной) 52 года. Но и встреч за эти годы было много. А когда я смотрела плёнки... Господи... Ничего во мне не изменилось! Он там (на плёнках) и молодой, и 72-летний. «И то же в Вас очарованье, и та ж в душе моей любовь».

Из стихов Н.Могуевой:

О преимуществах неразделённой любви

Они друг друга страстно полюбили
и радостно пути соединили.
Но, как шипы в листве скрывает роза,
так скрыта в нашей жизни проза.

Нечутким оказался он, она – сварливой,
и стала жизнь не очень-то счастливой.
Дни потянулись в нудной канители,
и так они друг другу надоели!

А ты – моя далёкая звезда,
и свет твой не тускнеет никогда.
Пусть разные у нас с тобой пути,
звезда моя заветная, свети!

«Книгу Вашу проглотила. Нет, не напрасно Вы написали мне на «Логове души» – «родственной душе». Каждая Ваша строчка находила отклик в моём сердце, я так рада, что мы с Вами по одну сторону баррикад, хоть, правда, я из менее воинствующих, но и у меня были стихи антикоммунистические, и дневник мой пронизан политическими страстями на ту же тему, я тоже не могу быть равнодушной. Но Ваша энергия, Ваше деятельное кипение поражают. Ваша внешность – нежная и хрупкая, явно не соответствует мотору – (мощному!), заключённому в Вас. И какая открытость, смелость. Вот тут я вижу, что мне до Вас далеко. И всё-таки хорошо, что Вы не закрыли свой архив до... Сколько пробудится в сердцах людей, когда они прочтут Ваш эпистолярный роман!..

В моей жизни были периоды Гончарова, Диккенса, Лондона, Лермонтова, Паустовского, Мопассана, Р. Роллана, Дж.Голсуорси, Астафьева и многих других, когда я запоем читала только этих авторов. И всегда – Пушкин. А сейчас у меня период Кравченко. Ваши стихи – чудо. «Бегущие по одним волнам» – не напоминаем ли мы Фрези Грант чем-то? А??

Хочу ещё раз Вас попросить: не говорите и не пишите: «Я не верю в Бога». Это не так. Вы будете читать мой дневник и увидите, как я из безбожницы превратилась в верующую, но не до фанатизма (этого и не нужно). Я хочу облегчить Ваш путь к Богу. Вчера хорошо об этом сказали по радио: «Посмотрите на ночное небо. Как это может быть, чтобы само собой появились эти бесчисленные светила, подчиняющиеся строжайшим законам движения?..» И Флоренский советовал: «Чаще смотрите на звёзды».

Дорогая моя любящая Любича! «Роскошное излишество любви как хлеб насущный, нам необходимо». – И откуда Вы всё про меня

знаете?.. «В душе моей покой и тишина. Простите, что Вам нежность причинила». О Господи!! Я за последнюю строчку целую Вас 100 раз. Так иногда говорят: «Если бы она написала всего одну эту строчку – она была бы уже прекрасным поэтом». – Это о Вашей строчке, этой самой.

Дай Вам Бог любви и нежности. Смотрите чаще на звёзды. Спасибо Вам за всё, дорогая. Ваша Н.С.».

Из письма от 3 ноября 1999 года. «Милая Наталия Максимовна! Забросила всё и пишу Вам письмо. Телефонный разговор не вместит всего, что рвётся из моего сердца. (Господи, помоги обойтись без высокопарных слов!)

Каждый раз, когда будешь открывать Ваши сборники, будет происходить открытие. Такая насыщенность яркими образами, столько ума и остроумия в них, глубоких чувств, самых разных – от солнечных восторгов Любви до тоски и отчаяния, но никогда, ни одно стихотворение не повергает душу читателя в чёрную бездну, всё время чувствуется, что душа автора сильна, глубока, что она не поддастся чёрным дырам отчаяния и это состояние передаётся тому, кто их читает. Господи, как это здорово!

Даже о такой нечисти – о тараканах, которых я совершенно не переношу, Вы написали как-то удивительно симпатично. А о другой нечисти – о большевиках... ну, тут нет слов. Я ещё не встречала таких бьющих прямо в глаз стихов. Наталия Максимовна, из всех наших отечественных современных поэтов для меня Ваши стихи – самые МОИ, самые прекрасные, так много говорящие душе и вдохновляющие. Я уверена, что Вы ни на минуту не заподозрите меня в неискренности, в преднамеренном преувеличении, наоборот, всеми этими словами я не вполне могла выразить свой восторг (да, именно так!), своё преклонение перед Вашим талантом. Дай Вам Бог счастья, мира душе, здоровья телу, премьер Любви, но только не таких вулканических и цунамических, как та, которой пронизаны стихи сборника «Сокровенное». Из-под такого катка дважды не выйдешь живой. И это очень нелегко, хотя и даёт пищу душе поэта. Нет, пусть будет что-нибудь полегче.

Я кое-что ещё написала, но не посылаю Вам. Сейчас я полна Вашими стихами и не хочу говорить о своих. Скажу только, милая Наталия Максимовна, что Бог наградил меня таким чувством, которое не подвластно ни времени, ни расстоянию, ни тому, что это чувство не разделено. Я давно уже (очень давно!) «переплавил его в дружбу» по Вашему рецепту. Но это для наружного употребления, а внутри –

там, глубоко внутри – это самая высокая, самая преданная, самая, самая... Любовь. Это мой стержень, моя поддержка в трудную минуту. Его дорогие письма – это искры радости. И продолжается это 54 года.

Можно, наверное, подумать, что я выдумала, сфантазировала это всё, чтобы как-то украсить жизнь. Но кто бы знал, как горячо вспыхивает сердце (70-летнее!), как оно радостно, счастливо замирает от воспоминаний, от добрых, нежных слов его писем, от его голоса по телефону, – тот, кто это знал бы – никогда бы не подумал, что это плод моих фантазий. И, конечно, это необычайный дар судьбы: за 54 года нашего знакомства – ни одного самого малого случая, давшего повод к разочарованию. Вот такое счастье подарила мне судьба. Сколько бы я ни пробовала написать об этом в стихах – получается что-то несоразмерное, глубина чувства никак не уместается в рифмованные строки. «Слов, тебя достойных, не могу найти». Но вчера всё-таки написала, конечно, тот же результат. (Со стороны, наверное, это уже смешно?).

Я Вам позвоню. По-моему, с «Собачьей жизнью» всё хорошо получилось. Всё, что Вы говорили – очень убедительно и здорово! И людей, по-моему, проняло.

Спасибо Вам за всё. Спасибо жизни, что подарила мне Вас. Спасибо, что я могу Вам открыться «настежь, как душа без тела и стыда».

Сегодня я хотела пойти на четыре выставки в Радищевском музее (есть картины из Петербурга и Москвы), но приболела, и целый день душа питается стихами и мечтами. Всего Вам доброго. Н.С.»

Из письма от 22 ноября 1999 года. «Милая Наталия Максимовна! Вот я опять пишу Вам письмо. С телефоном не очень получается, да и писать мне легче, чем говорить. Когда я подошла к Вам после лекции и изливала свои восторги, я была совершенно искренней. Читайте, что мои высказывания – это частичка гласа народа. И этот народ Вас любит (я видела лица людей после лекции), и частичка тоже Вас любит, и ждёт Ваших будущих лекций.

Мне Поэзия представляется неким многословным, многоярусным сооружением, на вершине которого Пушкин, Шекспир и другие гении, а в самых нижних слоях – самодеятельная поэзия, всякая и разная, но она тоже рождена минутами вдохновения и радости соучастия с неким великим и непостижимым, другое дело, что одни могут выразить это более талантливо, а другие – менее, и порой даже совсем нельзя отнести это к поэзии, но они, мне кажется, тоже достойны уважения хотя бы за чуткость своих душ. (Конечно, исключая тех, кто по заказу пишет о Гавриле...).

Когда я слушаю «стихи» пожилого человека, одного из участников кружков, меня берёт тоска, но я знаю, как это важно для него и как он искренен в своём заблуждении, и готова его слушать до конца.

Наталия Максимовна, дорогая, очень жду Ваших лекций. У Вас столько дел, не пишите мне, я позвоню и поговорим. Всего Вам доброго. Любящая Вас Н.С.

P.S. Я купила Паваротти – 90 минут звучания! «Посвящение Карузо» в его исполнении – чудо из чудес!! И всё остальное – тоже».

Ей нелегко жилось. Она тоже была вынуждена выживать, как и все мы в пост-перестроечное время: в её годы – работала в ЖЭКе, нянчила чужих детей, и в то же время ей была доступна такая роскошь как жить, не существовать, не прозябать, а жить – в полный рост души!

В 2000-2001 годах мы не писали друг другу: и в моей жизни, и в жизни Н.С.Могуевой случилось горе, у меня умер отец, у неё скончался от саркомы 10-летний внук Сашенька. Нина Сергеевна боролась до последнего: собирала деньги на операцию, ходила по большим кабинетам, чего никогда прежде не делала, и собрала довольно большую сумму, поддерживала, как могла, убитых горем родителей. Она очень стойко держалась – внешне. Но могу представить, что творилось в её нежном сердце, так горячо отзывающимся на любую чужую боль. Такое не проходит бесследно. Одна операция, другая... Она и их перенесла молодцом. С 2002 года наша переписка возобновилась.

Из письма от 11 апреля 2002 года. «Дорогая Наталия Максимовна! Сегодня я случайно освободилась от работы и наконец-то смогу с Вами поговорить на бумаге (мысленно часто с Вами разговариваю).

Вот и кончился ещё один цикл «Серебряных струн поэзии». Спасибо Вам! Спасибо огромное от всех тех, кто не напишет Вам, но слушает с такими просветлёнными лицами. Это одна из доступных нам духовных радостей – Ваши лекции.

Сколько я себя помню, я всегда читала стихи. И далеко не всегда они ложатся в душу. А много и такого, от чего порой физически начинает подташнивать: такие выверты, такие выкрутасы. Никогда не пойму этого.

У нас не положено сравнивать стихи современных поэтов со стихами великих классиков. Но я могу сказать совершенно искренне: я могу читать, читать своего богоносного (не знаю уж, какими словами изобразить мою беспредельную к нему любовь) Пушкина, а потом беру Вашу книжку и с таким же упоением читаю, а порой даже

Ваши стихи ближе моей душе. Это и понятно: женские души общаются на особой волне.

Все книжечки с Вашими стихами взяла моя внучка для прочтения (ей 14 лет). Держала долго. Наконец я взяла их и с радостью увидела, сколько карандашных пометок в этих книжках. Вот и эта пробуждающаяся душа почувствовала Ваши стихи и откликнулась. И, наверное, они послужили (конечно же!) в какой-то степени образованию её души – самому высшему образованию.

Дорогая Наталия Максимовна, жду Ваших новых книг. Ваши стихи о поэтах – чудо! Будьте здоровы, вдохновенны и менее уязвимы... Вас любят, ценят многие, многие. Вы знаете это. Любящая Вас Н.С.»

Из письма от 28 августа 2002 года. «Дорогая, милая Наталия Максимовна! Это письмо должно было быть написано давно, сразу же после Вашего посещения моих пенатов, но именно в это время со мной начало такое твориться!

Но по порядку. Когда Вы ушли от меня, я впилась в Ваши книжки и не отрывалась до того момента, когда почувствовала, что мне становится плохо – от невероятной жары (Вы помните, какое пекло было) и от напряжения. Посмотрела на часы – был пятый час. Перед сном я снова читала, на следующий день утром – тоже. И пошли стихи...» Привожу это стихотворение, написанное на обороте листа:

Читая стихи Наталии Кравченко

*Н.М.Кравченко –
любимому поэту*

Читаю, читаю, читаю...
Покрываюсь мурашками, таю...
О Родины горькая участь!
Люблю, и страдаю, и мучусь...
Истерзанная и нагая,
я здесь, я с тобой, дорогая!
И не моё это время,
и мне не по силам бремя
каторжной этой жизни
моей дорогой Отчизны.
Но луч блеснул из-за тучи,
и строки, нежны и летучи,
влекут и зовут за собой
в далёкий тот край голубой,

в тот край, где, любовью дыша,
чужая томится душа.
В тот край, где, воспрянув из Леты,
встают, оживают поэты,
где магией дивного слова
в наш мир возвращаются снова
из царства небытия и снов
Бальмонт, Мандельштам, Соколов,
и многие, многие другие,
забытые и дорогие.

Читаю, читаю, читаю...
В восторг прихожу и страдаю.
Вновь дивной строкою упьюсь,
люблю, ненавижу, молюсь...
Читаю, читаю, читаю...
Историю мятущейся души листаю.
О как озарена и хороша
поэта окрылённая душа!

Н.Могуева

Эти стихи родились у Нины Сергеевны в ответ на мою книгу «Чужая жизнь», которая только что вышла у меня тогда. Я пришла к ней её подарить. Это был чудесный день, вернее, утро. Нина Сергеевна встретила меня букетом цветов, угощала тортом своего приготовления. Я уже не первый раз была у неё дома, но каждый раз меня поражал какой-то удивительно духовный уют её крошечной однокомнатной квартирki. Каждый уголок был любовно обжит и обставлен: пейзаж на стене, иконка, икебана, полка с любимыми книгами и пластинками, фотографии родных и друзей – всё было тут не случайно, всё выражало какую-то важную и дорогую часть её душевного мира. А потом Нина Сергеевна показала главную свою гордость – цветник на балконе, который она выращивала по журналу «Домашнее садоводство». Сначала она сама прошла на балкон, что-то там подправила, какой-то последний штрих, а потом театральным жестом отдернула передо мной штору, как занавес: «А теперь – входите!» И моим глазам предстало такое яркое, восхитительно продуманное (я бы даже сказала – прочувствованное) цветное многообразие, что я даже зажмурилась в первую минуту. Чего тут только не произрастало! Память не могла вместить всех названий тех чудных произведений природы, которыми был украшен балкон стараниями Нины Сергеевны. Над балконом развевалось некое подобие российского флага: три цветных ленты, что довершало цветочную панораму.

– Я здесь сплю, – сообщила мне эта кудесница. – Представляете,

лежу вся в цветах и звёздах... А ещё у меня есть вот что, – с этими словами она нажала клавишу магнитофона. Квартиру наполнил птичий гомон, стрекот кузнечика, трели соловья. – Когда мне хочется почувствовать себя в лесу, я включаю эту кассету и слушаю...

По дороге домой у меня под впечатлением этой встречи сложились такие строки:

Женщина, влюблённая в природу,
в музыку, поэзию, собак.
На балконе рвутся на свободу
ленты, заменяющие флаг,

трёх цветов. И полыхает, жарок,
поражая посторонний взор,
резеды, петуний и фиалок
тщательно продуманный узор.

Слушает она в магнитофоне
голоса весёлых птичьих птах,
засыпает ночью на балконе,
утопая в звёздах и цветах.

В дневнике записывает мысли,
уходя в себя от суеты,
пишет замечательные письма
и печёт чудесные торты.

Женщина, живущая во власти
тайного свеченья своего, –
как она заслуживает счастья,
сотворив его из ничего.

Это очарованное сердце
не коснулась зависть или злость.
У его огня и мне согреться,
как, должно быть, многим, довелось.

Ответом на них было восторженное письмо от **31 августа 2002 года:**

«Милая Наталия Максимовна! Ваши стихи, посвященные Н.Могуевой, меня потрясли. И хоть в них много фактов моего бытия, как-то трудно отнести все эти прекрасные строки к себе. Спасибо, спасибо Вам огромное за чудесные стихи! Мне так нравится женщина, изображённая в них! Но наша русская низкая самооценка не позволяет мне в полной мере отнести к себе все эти прекрасные слова. Поговорила с Вами по телефону и пошла кормить собак. Кормлю одну собачку, а рядом огромный лохматый ризеншнауцер скулит и подвывает – тоже так хочется кушать! У меня сердце рвётся

пополам. Стала и этому приносить. Но этим дело не кончилось. По дороге попался такой ужасно худой пёс! Сегодня я основное внимание уделила ему, он совсем ничей. В общем, Наталья Максимовна, это такая мука, видеть этих несчастных и иметь ограниченные возможности помочь. Мне это очень осложняет жизнь. И ничего с этим не сделаешь.

Я что-то стала плохо спать по ночам. Читаю письма Тургенева. У меня их несколько томов. После того, как Иван Сергеевич назвал Достоевского «духовным садистом», он стал мне ближе. Я тоже так называла нашего прославленного «душеведа» (мой термин. А может, не мой?), не зная ещё мнения Тургенева.

По радио России в будние дни, где-то от 13 до 14 часов идёт передача «Виват, маэстро!» Недавно – о Пуччини. Чудо! Чудо!!! Какая музыка, какие судьбы, какие голоса! А вчера – концерт Раймонда Паулса. С удовольствием слушала и смотрела. Какое горе для нашего искусства – уход Таривердиева и Свиридова. Какие мелодисты!!»

Из письма от 22 октября 2002 года. «Милая (любимое слово Пушкина при обращении к друзьям) Наталия Максимовна! Сегодня уже вторник, а я ещё не в больнице. Вчера не положили – нет мест.

От всех болячек, от всех проблем есть только одно эффективнейшее средство... Но оптимистам не положено о таком думать – так что будем продолжать барахтаться в нашем постсоветском болоте и сучить лапками, авось вылезем. Когда-то давным-давно я вывела формулу отключения мыслей от возникшей неприятности: самый эффективный способ отключиться от переживаний, связанных с данной неприятностью – это приобрести новую. Вот такой чёрный юмор. Но действует безотказно. Проверено многожды.

У меня уже возникла традиция – читать перед больницей (и в больнице) Леонида Филатова. Я могу сто раз прочесть его «Федота-стрельца», а на сто первый буду так же от души хохотать. Царь пытается выдать замуж свою дочь, а нянька чинит препятствия. Их пререкания – это чудо какое-то! Я читаю, наслаждаюсь, хохочу, перечитываю, запоминаю, восторгаюсь и не могу начитаться.

Ты опять в свою дуду?
Сдам в тюрьму, имей в виду!
Я ж не просто балабоню,
я ж политику веду!
Девка эвон подросла,

а тоща, как полвесла!
Вот и мыслю, как бы выдать
нашу кралю за посла!
Только надо пользы для
завлекать его, не зля, —
делать тонкие намёки
невсурьёз и издаля.

И это написал тяжело больной человек!! Вот у кого учиться мужеству! Вся его сказка – чудо!!

А теперь мои вирши. Я в тысячный раз убедилась, что кто-то их диктует, потому что после глухого молчания – вдруг – за полчаса – стих. (Божественно диктующий достался Пушкину. Ну а мне... что досталось, то и досталось).

Контрасты

Деревья, птицы, облака,
шум леса, горная река,
рассвет, сияние звезды...
Мир Божий, как прекрасен ты!

Разбой, грабёж, убийства, пьянство,
война, террор и хулиганство,
стрельба, предательство, обман
и наркотический дурман.

Цветут и полыхают страсти:
«Богатства! Денег! Власти! Власти!»
Охвачен мир вознёй безумной,
и это – «человек разумный»?!

Но... музыка, архитектура,
наука, живопись, скульптура,
поэзии прекрасный век,
всё это – тоже человек...

Для счастья твоего же дома
остановись, опомнись, хомо!

7 октября исполнилось 50 лет нашему глубоко уважаемому президенту. Я ему послала телеграмму: «Культура, мудрость, ум и сила – как долго Вас ждала Россия!» Как говорит моя внучка: «Ну,

бабуля, ты даёшь!» Вот такая ей досталась бабушка, сующая во всё свой нос. Обнимаю Вас, дорогая Н.М.! Больше всего жалею, что 26-го не смогу Вас послушать. Как освобожусь из «заклечения» – позвоню. Н.С.».

Из письма от 25 ноября 2002 года. «Дорогая Наталия Максимовна! Наверное, Вам надоели мои послания. И самое главное – знайте, что отвечать письменно мне не нужно, это отнимает у Вас время, а я слишком часто Вам пишу. Просто я потом позвоню Вам и мы поговорим.

Я всё время думаю о Вашей лекции. О Марине Цветаевой ничего этого я не знала. И причина есть. Как-то так устроена моя душа, что она открывается, распахивается навстречу душевно здоровым людям. Поэтому я совсем не переношу Достоевского со всеми его глубочайшими мыслями и эмоциями и его великостью, признанной всем миром. И мне жаль, что он, как правило (судя по многим высказываниям), наравне с Толстым представляет русскую литературу, русскую душу – перед всем миром. Да нет же, нет! Не такая изломанная и вывихнутая душа у нашего народа, она простая и светлая, и здоровая. Вот Пушкин – это и есть русская душа.

Ну, я отвлеклась. Слушала я Вас... да, Марина – Поэт, она не может жить без любви... Да! Один, второй... пятый, десятый... и всё – вулкан, раскалённая лава, выворачивание наизнанку души и опять – вулкан и какая-то неуёмная жажда страсти, жажда раствориться в возлюбленном и растворить его в себе, и всё это такое гротескное, бьющее через край, не знающее границ... Постой, голубушка, (это я к Марине), это уже страшно, это здорово смахивает на шизофрению... Ну и её попытка в 17 лет покончить с собой и сам конец её. И способ выражения своих чувств тоже часто об этом напоминает. В общем, как-то я так устроена, что моё восприятие поэтов, писателей, людей искусства идёт не по общепринятому фарватеру, а режет его вкось и вкривь. И никакие доводы на меня не действуют. Не переношу шизофреников и их вывихнутые стихи и прозу, и картины, и музыку с писком, треском и завыванием, выдаваемые за модерн, авангард и проч.

Милая Наталия Максимовна, а как это Вы с такой чистой, светлой душой, с такими дивными, светлыми стихами... Как это Вас хватает на искреннее восхищение и любовь ко всем, всем им – со всеми их вывертами, к бродягам и пропойцам... ой, останавливаюсь. Я понимаю, Вы цените талант в любом облики, Вы это можете. Иначе как бы Ваши лекции могли обогащать наши головы и насыщать наши души. Ну а мы выбираем из этого огромного моря то,

что созвучно нам. Так и должно быть. И спасибо Вам огромное. Мы любим Вас. Ваш надоедливый корреспондент, эпистолярный террорист Н.С.».

Из письма от 26 апреля 2003 года. «Милая Наталия Максимовна! Перебирала сборники стихов, открыла «Письмо в пустоту» и всё на свете забыла. Читала, читала, читала. Не устаю удивляться тому, что Вы всё знаете про мою жизнь и душу. Сборник этот весь испещрён карандашными пометками. Их с моего разрешения делала внучка Аня. Так интересно (и смешно) видеть эти пометки. Вот, например, сердце 14-летней внучки откликнулось на слова:

Почему не спускается занавес?
Пьеса жизни проиграна впрах.
И на бис не сыграть её заново,
разве только в грядущих мирах.

Ну конечно! Мальчик какой-нибудь не так посмотрел на неё – и «пьеса жизни проиграна впрах». Господи! Сколько ещё предстоит моей деточке пережить в пьесе жизни!

Милая Наталия Максимовна! Вы ждёте, что я напишу о себе. Все мои «новости» могли бы уложиться в Ваши две строчки: «– Как живёшь? – Мучительно живу я. – Эй, как жизнь? – Не кончилась ещё». Сейчас я часто думаю, что мы не знаем и не ценим своего простого счастья – когда ничего не болит. Понимаешь это только тогда, когда заболит, да ещё так упорно, да ещё врачи пожимают плечами, и нет никакой помощи. Вот это ощущение беспомощности и незащитности перед, казалось бы, простой болячкой – пренеприятное состояние. Исчерпаны все методы. Профессор-хирург говорит – резать. Но уже резали три раза и хирург, которая резала, говорит, что операция не принесёт улучшения. 19 апреля я поехала с паломниками в Храм в Пензенскую область на церковную службу, т.н. отчитку от болезней. Нужно ездить три раза. 400 рублей одна поездка. Мне только это осталось.

Самое тяжёлое – ночные боли. Постоянно пью обезболивающие лекарства, а это грозит изменением крови. Ну, в общем – замкнутый круг. Ладно, хватит о болячках. Не переживайте за меня. Я держусь. По ночам (и днём, конечно) читаю очень интересные журналы. И ещё – толстенную книгу: «Западно-европейский эпос». (Кира Алексеевна принесла из библиотеки). Очень хотелось прочесть о Нибелунгах (пробел!).

Я всё пытаюсь пополнять «копилку радостей». Ну,

например, стараюсь не пропускать «Путешествий натуралиста». Милый, добрый, интеллигентный, толстенький, улыбчивый, сладкоголосый, очень эрудированный Павел Любимцев лечит и ласкает мне душу, да еще животные – такие лапушки, даже самые пресмыкающиеся. Люблю всех их! (Кончается листок). В качестве пожелания Вам, дорогая Наталия Максимовна, я процитирую слова неизвестного (но Вам известного) стихоплёт:

Пусть впереди неровная дорога,
завистников, хулителей так много, –
мы им простим пристрастия их и вкусы
и жалкие блошинные укусы.

Не тратьте свою душу на пререкания с хулителями. Это несамодостаточные люди. Они и так наказаны.

Я всегда Вас люблю и восхищаюсь Вашими стихами, никогда они мне не надоедают, читаю часто и открываю всё новые мысли и чувства в них и ассоциации с моей жизнью. Всех Вам благ и творческого удовлетворения.

P.S. Эдвард Радзинский – один из лучших рассказчиков. Не пропускаю его передач.

Из письма от 6 ноября 2003 года. «Дорогая Наталия Максимовна! Вашу книгу проглотила за 2 дня и начала заново. («По горячим следам» – Н.К.). Стихи прочла все три раза, а выборочно – не знаю сколько. Миллион мыслей в голове, а чувств в душе – ещё больше. Спасибо Вам за то, что даёте душе напиток из живительного источника. Я не знаю, где взять «неизречённые слова», чтобы выразить то, что я чувствовала, читая.

«Поэзия не знает дня рожденья.
Ещё не воплощённая в словах,
она была озвучена гуденьем,
журчанием, шептаньем в деревьях,
небесным громом, рыком динозавров...
Заполнив чёрный космоса провал,
зародыш поэтического завтра
в утробе мира тайно созревал».

Го-о-спо-о-ди!!! Как это Вы сумели? Как это?? Где это рождаются такие мысли и образы, такие строки??.. А... я знаю! Это – соединение Вашей светлой головы, Вашего лучезарного умного сердца и луча, проникшего из космоса... Стихотворение это – гениальное. Я отвечаю за свои слова! Читаю, читаю, читаю и мысленно говорю с Вами.

«Вся открыта перед Вами

сердцем и судьбой,
может голыми руками
взять меня любой...»

Ну уж нет, Наталья Максимовна! Не так-то просто любому взять Вас голыми руками!

«Заколотят доской гробовую,
наметут над могилой снега...
Но опять я воскресну для боя,
если рядом почую врага».

Вот это точно – Вы!!! Такими острыми строчечками Вы прожигаете своих врагов! Жаль мне Ваш огонь, растрачиваемый на завистников и хулителей. Лучше бы: «А он идёт себе, и лая твоего совсем не замечает». Но памфлет о стихах Кековой – чудо! Я кипела всеми этими мыслями, а Вы их выразили так точно и с таким перцем!! (Я, как Ю.Дружков, грешу большим количеством восклицательных знаков). Но неужели можно так, как он, обращаться с известными именами? Неужели это так и останется?.. А стихи Дружкова – жуткая галиматья.

А «круги, близкие к писательским», Вам не простят многого. Я знаю, Вы не боитесь, храбрый рыцарь. И это здорово! Но я боюсь за Вашу распахнутую душу. Дорогая Наталия Максимовна! От всей моей тоже сейчас распахнутой души я благодарю Вас за Вашу книгу, за добрые слова, обращенные ко мне, за Вашу дружбу – за этот светлый дар, что послал мне Бог. О себе ничего не пишу – скучная тема. Коротко можно сказать словами песенки военных лет:

«Хвост горит, нос пробит,
но машина летит
на честном слове и на одном крыле».

«Я прошу одну только руку,
что меня обмоет и обрядит...»

Ну, не расстраивайтесь, нет, нет, машина ещё летит. Читая и перечитывая Ваши сборники, я думала: и это всё атеист пишет? Я посчитала: в новом сборнике божественные слова и понятия Вы употребили... 52 раза! Никакой Вы не атеист. Я трудно приходила, пришла к Богу. Но теперь я не могу думать иначе как: Бог нас покинул, наши молитвы – это самоутешение. Видимо, Господь решил посмотреть до конца нашу трагикомедию до второго своего пришествия. Всё время думаю: как прекрасна земля! И только эксперимент с «венцом творения» не удался. Скоро ли, Господь? Уж мы такое вытворяем, что дальше

некуда.

Дорогой мой бесстрашный Рыцарь поэзии! Низкий Вам поклон! Живите, любите, пишите, одухотворяйте наш заблудший мир. И берегите свою душу. Вам и Давиду Иосифовичу здоровья и полноты бытия. Любящая Вас Н.С.М.».

Этим письмом было навеяно вот это стихотворение, которое Нина Сергеевна прочесть уже не успела:

«Берегите же душу!..» О, я берегу,
для себя – не загробного рая.
Я её не позволю запачкать врагу
и предательством не замараю.

И хотя я не ангел и не эталон
и порой нарушаю зароки,
я себе запретила поклон и уклон
вправо-влево от главной дороги;

быть в согласии с тем, кто, собой упоён,
от любви к сверхдержаве зверея,
вожделеет о благодати старых времён
и о сильной руке брадобрея.

У души я на службе и на поводе,
на подхвате и на побегушках.
Я пляшу под волшебную эту дуду,
что играет мне тихо на ушко.

Чтоб была в стороне от наживы и зла,
я её проверяю на деле.
Чтоб всегда пребывала чиста и бела,
белоручку держу в чёрном теле.

Я её не одену в броню и гранит,
не упрячу от боли и гнева.
Ну а если она кровоточит, саднит –
это значит, не закаменела.

Из письма от 2 декабря 2003 года:

Молитва

Ночь... опять, опять эта боль...
И таблеткам уже с ней не справиться.
Скоро ль, Боже, шепнёшь пароль,
чтобы в вечный полёт отправиться?

«Настроение бодрое, иду ко дну».
«Полной грудью дышу... на ладан».
Только, Боже – меня одну...
Только близких моих – не надо...

«Мне бы жить и жить, сквозь годы мчась»,
то в восторг приходит, то печалиться.
Только где-то распалась связь,
видно, время моё кончается.

Не грущу, не ною, не злюсь.
Знаю точно, что после Пришествия
вновь на Землю эту вернусь
я для нового путешествия.

Снова ливням весенним шуметь,
снова мучиться: «Быть или не быть?»
Снова сердцу в огне гореть, –
замирать, ненавидеть, любить.

Не заметит уход мой Земля,
она озабоченно вертится, вертится.
Сделай, Боже, так, чтобы я
могла с любимыми снова встретиться.

Н.С.Могуева, ноябрь 2003

Милая, дорогая Наталия Максимовна! Не расстраивайтесь. Я жива и ещё буду жива. Стихотворение написано в одну из тяжёлых ночей. Думаю, что при моём теперешнем состоянии на плаву меня держит непробиваемый оптимизм. Совершенно необъяснимые приливы жизнелюбия и хорошего настроения посещают меня частенько. Спасибо за это Создателю. А уныния и мрачных мыслей Кто-то не допускает до моей души. И на этом спасибо!

Что рассказать о себе? Живу по возможности полной жизнью. Часто посещает меня моё самое любимое и самое дорогое существо на свете – моя внученька. Недавно она мне сказала, что хочет, чтобы я прочла книгу Пауло Коэльо «Алхимик». И вдруг она увидела её в продаже, купила и подарила мне с такой дорогой для меня надписью: «Самой любимой бабулечке, которая научила меня понимать и ценить прекрасное. Я люблю тебя. Твоя Анюта». И я подумала: это самый главный итог моей жизни. Я так боялась, чтобы интеллект моей внучки не остался на уровне «юбочки из плюша» (эту песенку она напевала в детстве. Тогда её все пели). И я делала всё, что могла. А делать это нужно было ненавязчиво, так как внучка моя – конечно же – продукт своего времени. И всё, что её окружало, вся наша и иностранная эстрада, все эти моды-джинсы (как собирательный образ) и прочее – всё это пронизывало её жизнь. Иначе и быть не могло и не должно было быть. Но вместе с тем так хотелось, чтобы она ощутила вкус хорошей литературы, классической музыки, настоящей поэзии, любила живопись и проч. Вот и взяла я на себя

роль: потихоньку, невзначай, ненавязчиво знакомить её со всем этим, в тех пределах, конечно, в каких знала и бесконечно любила сама. И сейчас она меня часто радуется результатами этих моих стараний.

А книги, как Анна Андреевна Ахматова, я уже не читаю, а перечитываю. В десятый раз (!!!) перечитала «Сагу о Форсайтах». Каждый раз, перечитывая её, я стараюсь понять, что так влечёт меня в этот мир. На этот раз я наслаждалась, дегустировала каждую строку. Этот необычайный тонкий английский юмор... И ещё я поняла, что при ограниченности моих сегодняшних возможностей быть на природе, я растворялась в чудных, ярких описаниях её в «Саге». Парки и сады Лондона и Парижа, меловые холмы Уонсдона, река, камыши, водяные лилии, лебеди Мейплдерхема, солнечные дни и лунные ночи – всё это пронизывает жизнь Форсайтов и так трепетно изображено Дж. Голсуорси.

После «Саги о Форсайтах» я углубилась в русскую старину. Прочла (перечитала) «Обрыв» Гончарова. И так захотела в имение Татьяны Марковны Малиновку – к цветущим деревьям, сенокосам, пчёлам, бабочкам, тишине, облакам, теплоте и задушевности людей. Хочу тишины и спокойствия. Но нет их на земле.

...Сейчас я позвонила Вам и очень расстроилась. Господи! Если бы можно было не обращать внимания на это тьяканье! Но наши «корифеи» умеют травить. Это они неоднократно доказывали во все времена. И кого травить! Как правило, тех, кто во сто крат выше и талантливее их. Только бы хватило Вашего стержня на всю эту возню. Только бы Вы не допустили всё это глубоко в душу, только бы она устояла и осталась по-прежнему светлой и вдохновенной. Может быть, Вам немного поможет мысль о том, что Вы-то тоже здорово их цапнули. И, конечно, следовало ожидать, что они ощерятся. Очень, очень хочу, чтобы Вы, Наталия Максимовна, реагировали на всё это, как бы это выразиться – поверхностно, не допуская урона для души. (Слишком много чести!)

Послезавтра – Ваша лекция. Дай Вам Бог силы сохранить достоинство во всей этой кутерьме. Думайте о себе, а не о них. Мой большой привет Давиду Иосифовичу. Обнимаю Вас. Любящая Вас Н.С.Могуева.

Из письма от 27 мая 2004 года. «Дорогая моя Наталия Максимовна! Наконец-то ручка коснулась бумаги, и я могу поговорить с Вами. А до сих пор – сколько уже дней – всё, что я хочу сказать вам, прокручивается в голове, а сесть и начать писать – нет сил. Перешагнула через это и пишу.

Ну, «во первых строках моего письма» сообщаю Вам, что я всё ещё жива. Уже 8 месяцев я не обращаюсь ни к одному врачу, кручусь со своими болячками в собственном соку. Отбиваюсь от своих сыновей, которые всё норовят меня то в Израиле консультировать (документы туда выслать), то в Москву меня везти – и всякие прочие «авантюры». Но никто так, как я, не знает истинного положения вещей и бесполезности всех этих попыток. Вовремя врачи не сумели ничего предпринять, теперь настолько всё уже запущено, что... и т.д.

Самое плохое – постоянные боли. Пью анальгетики регулярно 4-5 раз в сутки (в аннотации сказано: пить не больше 7 дней, я пью 1 год и три месяца). Уже вижу негативные результаты этого, но раздирающая боль заставляет на всё закрыть глаза. Совершенно осознанно и очень спокойно и с надеждой мечтаю об одном – скорее бы!.. Но если моя продолжительная жизнь снабдила меня открытием: жить – очень нелегко, то в конце этой истории я поняла ещё одну истину: и умереть-то совсем непросто. Потеряв 24 кг веса, мучась от боли и понимая совершенно ясно, что с тем, что у меня сейчас есть – жить нельзя, я тем не менее живу.

О Господи! Простите, Н.М.! Простите! Разве так я хотела начать письмо... А вот ведь положила голову на Ваше милое плечо и расхныкалась, пожаловалась. Простите. Но зато! – я дожила до ландышей, до тюльпанов, до сирени, и дом мой постоянно украшен цветами. На балконе всё приведено в порядок и уже рвутся к солнцу бархотки и петунии. Дома я хоть и через силу – делаю всё: готовлю, убираю, понемногу стираю, хожу до аптеки, иногда на «Пешку», в магазин. Выхожу на улицу – голова, как воздушный шар – того и гляди оторвётся и полетит (такая слабость в теле и пустота в голове!). Но с каждым шагом мне всё лучше, особенно если я не забуду расправить плечи и поднять выше голову (поза: наплевать на болезнь!!).

Позавчера вечером взахлёб прочла «Евгения Онегина». Вот даже исследование провела. Меня давно очень интересовало, о какой молитве написал Пушкин в своём стихотворении «Отцы-пустынники и жёны непорочны». И, представьте, я нашла эту молитву!

Молитва святого Ефрема Сирина (читается во время Великого поста)

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата

моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Стоит сравнить эту молитву со стихотворением Пушкина, и никаких сомнений не останется. Все основные смысловые слова – общие». (И – пронзающая болью приписка: «Я отослала все свои книги пушкиноведческие в Пушкинскую библиотеку, а все свои пластинки – в библиотеку консерватории». Она знала, что больше они ей уже не понадобятся...).

«А вот стихотворение Лермонтова «Молитва» не даёт никаких намёков на содержание той молитвы, которая давала такое облегчение мятежной душе поэта. Жаль. В общем, чтение, книга – самый верный друг, который всегда с тобой и, главным образом, тогда, когда уже не можешь выезжать на природу, ходить на концерты, ходить к друзьям. Даже общение для меня теперь очень тяжело. Говорить не могу, даже несколько слов вызывают боль, которая потом никак не стихает.

А среди радостей жизни ещё – Музыка! Слушаю её с жадностью и благодарностью. Недавно испытала потрясение: необыкновенный голос Рене Флеминг, голос – океан. Когда-то я с таким же замиранием сердца и восторгом открыла для себя Марио Ланца. Тоже Океан!!!

Но самая главная моя Радость – моя внученька. Она наполняет мою душу живой, молодой, кипучей жизнью. Все свои события (а их – море! И первая любовь – главнейшее!) она так живописует мне, что мне начинает казаться, будто я – участник всего этого. Кстати, она и участником меня делает. В общем, бабушка – лучшая подружка, вот так мне повезло. И подружки у неё есть близкие, чему я очень рада.

Дорогая, милая Н.М.! Вы – со мной, в той тёплой и светлой части души, куда помещается всё самое лучшее, что даровано жизнью. Я шлю свой искренний привет Давиду Иосифовичу. Здоровья вам, успехов в замечательном деле приобщения людей к миру культуры и искусства. Без этого мы бы давно одичали. И дай Вам Бог силы преодолевать рытвины и пороги на этом пути. Читайте Ваши стихи и не могу начитаться. Н.С.».

Нина Сергеевна, милая!
Трудно писать эти строчки.
С нечеловеческой силою
жизнь Вас пытается на прочность.

Как ни толкала бы в ров она,
как ни терзала бы тело –
с этой душой очарованной
ей ничего не поделать.

«Вот дожила и до ландышей!» –
слышу Ваш радостный голос.
Думаю, так вот и надо жить,
не отступать ни на волос.

Верю, что сможете выстоять,
хворь одолеете злую.
Сердце открытое, чистое
Ваше люблю и целую.

Я писала ей в письме: «Нина Сергеевна, дорогая, не сдавайтесь. Вы так нужны и Вашим детям, и внукам, и друзьям, близким и дальним, Вы – воплощение света и тепла в жизни многих и многих. Редко кому удаётся так красиво и цельно прожить свою жизнь, так талантливо её «организовать», так мудро взрастить и воспитать свою душу. Когда Чехов мечтал о прекрасных людях будущего, когда «каждый будет как звезда перед другим», когда люди смогут любоваться друг другом, он имел в виду именно таких, как Вы.

Я преклоняюсь перед Вашим мужеством и стойкостью, перед неиссякающим Вашим жизнелюбием, вечной очарованностью жизнью! Вот с кого Р.Роллану надо было писать свой роман! И книги, и музыка, и стихи, и цветы – это не только радость, но и мощное Ваше оружие против жестокого недуга. Но к этому надо подключить и кардинальные лечебные меры (не знахарские, не «целительские», не саратовские!) и тогда «лёд тронется», я уверена. «В Москву! В Москву!» – этот рефрен «Трёх сестёр» должен стать сейчас Вашим девизом. Если бы я верила в Бога, я бы молилась за Вас, но я верю в Вашу стойкую душу, железную волю, твёрдый характер и в то, что мысль – материальна, и если настойчиво хотеть чего-то и упорно к этому стремиться, болезнь отступит. Ведь у Вас нет «самого страшного» – мне говорила Кира Алексеевна, а всё остальное может быть излечимо. Милая Нина Сергеевна, держитесь, не сдавайтесь, не миритесь с болезнью!»

Из письма от 5 июля 2004 года. Милая Наталия Максимовна! Прочла вечером Ваше чудное, доброе, сочувственное письмо и положила его на стол, в головах постели. И всю ночь видела Вас во сне. Бывают такие сны, которые не перескажешь. Они не на уровне действия, а на уровне чувств. Где-то мы с Вами бродили всю ночь. Хорошо было! Дай Вам Бог успехов в главном деле Вашей жизни. Значит, новая книга? Я знала, что она будет. И следующая, и следующая... Будет!

Ну, в последний раз о моих болячках. Вы совершенно правы,

дорогая Н.М., если бы кто-то из дорогих мне людей был в таком же положении, я бы тоже нашла все доводы, все самые убедительные слова, чтобы подвигнуть человека на решительные действия. И спасибо Вам за такое действенное сочувствие. Что же касается моего случая, мне может помочь единственное: донор, готовый без ущерба для себя отдать мне нижнюю половину головы. (Речь уже не идёт о челюсти. Это пройденный этап). Ну как?.. Нет у вас на примете такого донора? У меня тоже нет. А ещё лучше пришить бы мне голову, ну, хоть профессора Доуэля. Надеюсь, с челюстями у него всё было в порядке. Больше ничего не поможет. И оставим эту болезную тему.

Если бы я могла! Если бы только я могла рассказать, объяснить Вам моё нынешнее состояние так, чтобы Вы душой поняли меня! Сказано: человек должен вырастить детей, посадить дерево, построить дом. Я всё это перевыполнила. Вот: дожила до правнучки! Деревьев вырастила множество, квартиру кооперативную построила. И ещё много чего сделано на этом свете. Пока человек относительно здоров, у него – планы, мечты – жизнь! Но когда двумя лапами схватила болезнь за горло и не отпускает, и – боль, боль... А за спиной – большая, интересная, насыщенная жизнь, а впереди – ничего, кроме боли, – вдруг возникает такое спокойное, осознанное, радостное ожидание конца. Моё предназначение на земле выполнено. Меня уже ничто не держит на этом свете. Интенсивная жизнь моих любимых детей и внуков мне уже не по силам. Вечно переживать и бояться за них (а это участь наша) – у меня нет уже на это резервов. И вот придёт этот желанный миг. Больная плоть спадёт, как обветшавшее платье, а душа (уж в это я верю бесповоротно!) улетит в иные края, где СВЕТ и РАДОСТЬ. Помните просветлённое лицо скончавшегося Пушкина? И друзья его вопрошали: «Что ты видишь там, друг?» Мой муж умер с улыбкой на лице. И множество рассказов об этом тоннеле, ведущим в СВЕТ.

Но поймите, Н.М.! Я вовсе не предаюсь предсмертным мыслям и не зацикливаюсь на них. Я живу. Живу, когда утихает боль. Я вся в делах – по возможности. Дома – чистота, порядок. Постанывая и поохивая, я готовлю, стираю, глажу, мою полы, читаю, пишу и проч... Но мне никто не докажет, что в моём положении нужно цепляться руками и зубами (которых почти нет) за эту жизнь. Всё!!

Чем бы закусить эту невкусную тему?.. Завтра родится Пушкин. Я очень много думаю о нём. И додумалась... додумалась до того, что не нужно!! Не нужно было ему жениться вообще. Ведь знал же он, что материально не в состоянии содержать семью. 12-комнатная

квартира, прислуга, выезд, балы, наряды. Загряжская, конечно, помогала, но это капля в море. А бесподобная Натали ещё двух своих сестёр взгромоздила ему на шею! А Александр Сергеевич, конечно, оставался самим собой, к бытовым долгам добавлялись карточные, петля затягивалась, так что Дантес был просто последней каплей в этой переполненной чаше. У Пушкина были хорошие дети. Но мир вполне обошёлся бы без них. А вот без очищающих нашу душевную экологию стихов и прозы А.С. мы не обходимся. Может быть, именно их, не написанных рано ушедшим Пушкиным, нам и не хватает сейчас, и мы задыхаемся в чернухе и порнухе. Конечно, была некая компенсация в виде Болдинской осени, компенсация того, что уже никогда не будет написано нашим Солнечным Поэтом. Вот такой сгусток, взрыв, протуберанец – Болдинская осень. Слава Богу за это!!

Нет, предназначение Свыше было – творчество и очищение душ человечества. А Александр Сергеевич решил «образумиться», стать, как все, жениться, обзавестись семьёй. Свернул он со своего Богом избранного пути, и вот результат... С 205-летием, дорогой А.С.!»

Из стихов Н.Могуевой:

Она могла

Она невинна – часто слышу я.
Так Он сказал и вторили друзья.
А мне так часто страшный выстрел снится,
в её невинности заставив усомниться.

Как рвался он от мрачных берегов,
от сплетен, неудач и от долгов,
от царских «милостей» и от цепей
под сени рощ и на простор полей.

Как он тогда о Болдине мечтал!
Её, любимую, как он с собою звал,
непонимания преодолеть не мог
и в страшный час так был он одинок!

Она невинна – часто слышу я.
Ты так хотел и вторили друзья.
Но я скажу, и ты, Поэт, прости:
она могла тот выстрел отвести.

«Теперь о Боге, который «смотрит поверх голов». Да, на замечательно сформулированный В.Солоухиным вопрос ответа до сих пор нет. А, пожалуй, уже есть и неблагоприятный. Он написал: «В том, что существует Высшая Сила, теперь уже ни у кого сомнений нет. Но вот есть ли этой Высшей Силе до нас дело?». Я читаю множество интереснейших журналов. Пересечение науки и религии – самая интересная для меня тема. Приводится много теорий и гипотез

– как проявляет себя Высший Разум, как его можно представить и проч.

Как Вам такая информация???: 1. До недавнего времени считалось, что вся информация, необходимая для формирования и развития человека, закодирована в молекуле ДНК. Но сухая и точная математика показала, что объёма памяти ДНК катастрофически мало для жизнедеятельности организма. Один из создателей так называемой волновой генетики, действительный член российской Академии медико-технических наук, доктор биологических наук П.Гаряев сказал кратко и определённо: «Эксперименты показали, что генетический аппарат – не самодостаточная система, что существует внешняя генетическая информация, которая идёт от Высшего Разума» (журнал «Наука и религия» № 8 – 2003 г.).

А вот это???: 2. Американский философ Самуэль Крам пишет: «Вселенная – столь величественна, что трудно допустить, что она совокупно не есть единый мировой разум, ощущающий копошение миллиардов живых существ на всех планетах, пригодных для жизни, подобно тому, как человек ощущает слабую головную боль. Звёзды или даже галактики – лишь нейроны такого «мозга».

И ещё: 3. Согласно современным гипотезам, в ядрах галактики живут Логосы – высшая форма разума, нуклонные структуры, имеющие возраст десятки миллиардов лет и управляющие процессами во Вселенной (Журнал «Свет» № 5 2004 г.).

Вот и приехали!! И где же в этих головоломных системах место нашего православного Бога с его 10 заповедями и проч... И кто, и как должен и может реагировать на наши горячие молитвы?? Логосы?.. Нуклонные структуры?.. И не нужно совсем забираться в эти дебри, а просто посмотреть вокруг – сколько нелепых, необъяснимых смертей детей, молодых матерей, молодых людей. А полупарализованная старуха годами сидит у подъезда, и тяжело больные, призывающие смерть, не могут её дождаться. И вообще – что творится вокруг...Объясняют всё Апокалипсисом. Ну и сколько это будет продолжаться? Так, как молился мой сын, стоя ночами на коленях, и как они возили Сашу по святым местам... Не слышит нас Бог. Не слышит. И наказывает в основном не тех. Господи, прости меня...

Наталия Максимовна, дорогая, «КАК ДУША? О ЧЁМ БОЛИТ?»

«Я стучу в себя, как в стену:

«Как ты? Всё ещё жива?»

То рукой себя задену –
ноги, плечи, голова...

Сердце тукает слепое.
Я вникаю в свой недуг.
Словно в камере – с собою
осторожный перестук».

Как здорово Вы изобразили меня нынешнюю. Лучше не скажешь.

Одна беда не приходит. Моя подружка, с которой прошло вместе полжизни, получила инсульт. Умница, кандидат наук, не может произнести ни одного слова и написать ни одной буквы. Но всё слышит и понимает. Обнимемся мы с ней и молчим. Но чтобы не было так трагично, сочинила частушку:

Жили-были две подружки,
две известные болтушки.
Всё они болтали, пели
и так Богу надоели!
Чтоб замолкли две болтушки,
Бог заткнул им в рот подушки.

Это наш гимн. Пока ещё можем смеяться над собой. Дорогие Наталия Максимовна и Давид Иосифович! Берегите друг друга и лечитесь вовремя. Очень хочу и желаю вам этого – будьте здоровы, и пусть «телеграммы радости» не будут очень дорогими (вопреки известной песне). Обо мне не беспокойтесь. Я держусь.

Н.М., Ваш телефончик есть в заветном списке. Так что Вас известят в случае чего. Единственное, что помогает по-настоящему – юмористический взгляд на события. Когда очень плохо – сочини частушку, станет легче. Обнимаю Вас. Любящая Вас и Ваш талант Н.С.».

Что сказать ей, чтоб её утешить?
Все слова тут сказанные – зря.
В доме тех, кого собрались вешать,
о верёвке вслух не говорят.

И какие – голову ломала –
взять цветы, которыми согреть,
чтоб ничто ей не напоминало
смерть?

Непосильным было это бремя.
Неуместны книги и пирог.
Малодушно я тянула время,
прежде чем шагнуть через порог.

Нет, не откупиться этой данью.
Не сумеешь сыграть мне эту роль.

Будет страшен лик её страданья,
боль.

Солнца луч, блеснувший, словно скальпель,
озарил сосулек хоровод.
Жизнь застыла той последней каплей,
что сорвётся, кажется, вот-вот.

Я в лицо опавшее глядела,
пряча слёзы, подавляя вздох,
и понять мучительно хотела,
где же Тот, кому до нас нет дела –
Бог?!

Это стихотворение было написано после посещения Нины Сергеевны в госпитале. Она очень исхудала, стала совсем прозрачной. Говорить ей было трудно, есть почти не могла, только жидкую пищу. Я сварила ей бульон, который был оценен ею так же высоко, как и мои стихи.

Из письма от 28 июня 2004 года. «Милая Наталия Максимовна! Сообщаю Вам о победе Вашей ещё в одном конкурсе: конкурсе бульонов. Такое чудо Вы принесли мне! Да ещё так много. На следующий день я уезжала домой на три дня. Взяла Ваш бульон и дома сварила щи – упивалась ими целые три дня. Наталия Максимовна! Я была просто потрясена, когда увидела Вас в госпитале. Спасибо Вам душевное за дружбу и заботу.

Во сне сам собой сочинился «опусик»:

Я стала не просто худой
а какой-то «чёрной дырой»:
глотаю, глотаю, глотаю
и таю, и таю, и таю.
Скажите, Небесные Братцы,
сколько будет процесс продолжаться?

Мой дорогой доктор твердит: ешьте, ешьте... И я ем. И аппетит есть, и ем всё калорийное. И... худею. Уже 47 кг (вместо 75).

Хочу сказать только, что моё последнее помещение меня в госпиталь вдруг продемонстрировало любовь ко мне многих, многих людей. Был поток посетителей. Мои сыновья, сноха (разведённая), её новый муж, моя внученька и друзья – шли, шли, шли. Забили холодильник всякими вкусностями. Сын два раза приезжал из Москвы и он же оплатил операцию и лечение. Врач мой – это последний мне подарок на этой Земле, но, к сожалению, слишком поздний. Он так старается, а я не отвечаю его стараниям».

Сейчас, наверное, уже можно об этом сказать... Когда я последний раз уходила от Нины Сергеевны, она, выйдя за мной в коридор, подняла на меня сияющие глаза и зашептала в ухо, что влюблена в своего лечащего врача, что, когда он берёт её за руку – пощупать пульс, у неё замирает сердце.

– Он говорит, что в понедельник меня уже выпишет, а я не знаю, как я буду без него жить...

У меня отлегло от сердца. Значит, всё не так страшно, – подумала я. – Значит, будет жить...

Увы, я ошибалась.

Из письма от 28 июля 2004 года. «Как живу? (Опять хочется ответить Вашими строчками: «Мучительно живу я»). Стараюсь делать вид, что живу. Болит – глотаю лекарства. По приказу доктора ем мясо (всё в провёрнутом виде). Выхожу мало – с внученькой. Продукты покупает сын, внучка, Кира Алексеевна. Мой доктор собирается по приезду опять меня положить в госпиталь на «маленькую операцию». Ну сколько можно??.. Опять меня должны возить в госпиталь, опять ездить ко мне. НЕ Х-О-Ч-У!! А чего ХОЧУ – никак не получается. (Смилостивись надо мной, Господи!).

Всё! Меняем пластинку. Я так устроена, что внутри меня постоянно есть «дежурная мелодия». Я могу страдать от боли, а мелодия – со мной. Вот уже несколько дней мурлычит у меня внутри: «Меж нами памяти туман, ты как во сне. Я верю, только дельтоплан поможет мне». – Обожаю эту мелодию!! А недавно звучали такие чудные звуки «Вальпургиевой ночи»! И унесли меня в детство.

1944-45 годы. У нас в оперном театре замечательный репертуар, и приезжает из Риги тенор Заходник. Поёт герцога на итальянском, европейская внешность, голос средний, но мы – в восторге! – Экзотика. И вот мы – пять подружек – слушаем «Фауста» – 5 раз почти подряд. (Благодарю Господа, Судьбу или ещё что там, что повернул в то время наши души к музыке, к настоящему искусству, а не в какую-то другую сторону). Опера была прекрасно поставлена. Маргариту пела Е.В. Шумская. Приехал Козловский, был потрясён её голосом и увёз в Москву. Приезжала на гастроли Н.Д.Шпиллер. Её мы несколько раз слышали. Это – высота! А как были поставлены танцы в «Вальпургиевой ночи»! Вот я сейчас вижу, как под дивную мелодию выбегает стройный Адашевский, у него на плече в красивой позе – Урусова в белом хитоне, на них направлены прожектора – чудо!!! А сколько походов в консерваторию, сколько прекрасных концертов! Мы всё это вспоминаем с большой радостью.

Милая Наталия Максимовна! Мне хочется, чтобы в Вашей следующей книжке было больше светлого, меньше стычек с «этими». Да ну их в болото! А... вот, кстати, как можно кратко описать мою

сегодняшнюю жизнь:

Эх, жизнь моя, – жестянка!
Да ну её в болото!
Живу я, как поганка,
а мне летать... а мне летать охота!

(Незабвенный Папанов!)

Обнимаю Вас, дорогая! И благодарю. Давиду Иосифовичу
привет от меня. Пусть вам будет хорошо. Ваша Н. С.»

Из стихов Н.Могуевой:

Бред

В больнице

Каким огонь неумолимым был,
как тело жёг и голову палил.
Я потянулась к небу, поднялась слегка,
гдеплыли, лба касаясь, облака,
и ткань их шелковистая была
прохладна, и туманна, и бела...

По стенам душной, узенькой палаты,
свиваясь, пенились багровые закаты...

«Как угораздило тебя попасть сюда? –
спросила, заглянув в окно, звезда. –
Ты вся горишь и голова в огне...
Закрой глаза и повернись ко мне.
Тихонечко со мной поговори,
я посижу до утренней зари».

И, лоб лучом накрыв, мне тихо рассказала,
как заглянула в глубину Байкала,
спустившись к лесу в золотых накрапах,
там покачалась на еловых лапах.
И как плыла на мачте корабля,
и пошептала с звёздами Кремля,

а там – у милых Невских берегов
посеребрила статуи богов,
влюблённо устремив лучистый взгляд
на Летний (а теперь осенний) сад.
«Скажи, а как же ты меня узнала?»

«Не удивляйся. Помню, как бывало,
ты, отойдя от жаркого костра,
могла смотреть на небо до утра.
У всей вселенной стоя на виду,
искала ты свою звезду.
И вот теперь, когда пришла беда,
я здесь с тобою, я – твоя звезда.
Ты вспомни, сколько красоты на свете:

как горный воздух свеж, как ароматен ветер,
как шелестит зелёная листва...
Ну вот, твоя прохладней голова».

Так мы шептались с нею до утра.
Алел восток. Она вздохнула: «Мне пора.
Не забывай меня, свою звезду.
А будет тяжко – я опять приду».

Из письма от 11 сентября 2004 года. «Я очень плохо сплю, в результате чего время от времени появляются стихи. Как будто начинаю писать серьёзно, но потом юмор пересиливает:

Мечты и действительность

Я смотрела на лето из окон больницы.
На ветвях щебетали весёлые птицы,
светлый лучик в палату спустился с небес.
Как хотела я в поле! Как хотела я в лес!
Как хотела лежать на траве под берёзой,
любоваться, как ветер полощет ей косы,
чтоб прохладу травы ощущала щека,
чтобы рядом тихонько журчала река,
чтобы ветер принёс аромат сенокоса,
над цветами вились золотистые осы.
Вдруг... взерошила воды тихоня-река,
понеслись надо мной в вышине облака,
и, предчувствуя скорый разгул непогоды,
встрепенулась, вздохнула родная природа.
Я хочу, я хочу в этот вихрь непогоды!
Чтоб меня обнимали небесные воды,
чтобы ветер трепал и слепила глаза
ярким пламенем молний шальная гроза!

Оглянулась... Палата, сестрица со шприцем.
(Да, свиданье с природою не состоится).
Вздыхаю, зеваю, смотрю на часы
и покорно спускаю труссы...

Милая Наталия Максимовна! Удаётся ли вам с Давидом Иосифовичем бывать на природе? Это всё-таки единственная и неповторимая целительная сила для души и тела. А лето-то прошло! Но деньки бабьего лета бывают чудесными. Не упустите такую возможность! И отчитайтесь мне, где Вы были, сколько деревьев обняли, чтобы зарядиться положительной энергией, сколько облаков проплыло над Вами, какие ароматы окружали Вас – донник? Полынь? Ромашка? Мята? На сколько градусов поднялось Ваше настроение?».

Я отвечала ей: «Нина Сергеевна, дорогая, душа всё время болит

за Вас. Хорошо, что Вы не одна, что с Вами Ваши родные, близкие, друзья, и все Вас любят, это так редко бывает. Я верю и надеюсь на Вас, на Бога, на чудо, на Вашу очарованную душу, которая при всех испытаниях так и не смогла стать разочарованной. И пусть всегда звучит в Вас Ваша «дежурная мелодия», пусть уносит Вас подальше от земных терний дельтоплан мечты, пусть рождаются под Вашим пером светлые, хоть и горькие, строчки стихов. Я храню все Ваши бесценные письма, часто перечитываю и «заряжаюсь» от них больше, чем от берёз, доброй энергией и теплом. Писем мне пишут много, но таких, как Ваши – не было и, наверное, никогда не будет. Столько в них проникновенности, ума, глубины, чувства! Неудивительно, что Ваша внученька и сыновья так Вас любят. Я тоже очень Вас люблю и благодарна судьбе за нашу встречу».

Из стихов Н.Могуевой:

Я встану

Когда на склоне серенького дня
подкосит вдруг болезнь нежданная меня
и прикуёт непрошено к постели,
когда дышать я буду еле-еле,
тогда придут на помощь мне они,
мои лесные ласковые дни.
Я из глубин заветных извлеку
таинственное, нежное «ку-ку».
Под шелест трав и аромат сосны
мне будут сниться золотые сны:
как пели радостно, самозабвенно птицы!
(Вот посвист зяблика, вот теньканье синицы).
Как солнышко светило горячо!
Мне бабочка садилась на плечо
и ящерица у большого пня
доверчиво смотрела на меня.
Как заливался в роще соловей!
Я вновь услышу голоса друзей.
Они зовут меня, они кричат: «Ау-у!»
Я здесь, недалеко! Я к вам иду!

Нина Сергеевна Могуева умерла 20 января 2005 года. Не дожила до ландышей... В снежные метельные дни я вспоминаю не только день её смерти, но и день рождения, который тоже зимой, и её строчки:

Как звёзды на небе ярки!
А на земле – снежинки!
То, Боже, твои подарки
на день рождения Нинки.

Она похоронена на Елшанском кладбище (участок 136, третий ряд от дороги). В год её смерти я оставила на её могиле под камушком вот эти стихи:

Дорогая Нина Сергеевна!
Я пишу Вам теперь туда,
где душа Ваша, в ночь развеяна,
тихо светится, как звезда.

На могиле трава колышется.
Дни бегут своей чередой.
Мне из писем Ваш голос слышится,
удивительно молодой.

Как мечтой в небесах парили Вы,
сердцу верили, не словам.
Вы когда-то цветы дарили мне,
а теперь я несу их Вам.

Где же тот, кого так любили Вы,
получил ли он злую весть?
Как мне горько сказать, что были Вы.
Но я счастлива, что Вы есть.

Я навсегда сохраню память об этой бывшей – и вечной! – девочке, мудрой и сильной женщине, «очарованной, околдованной» душе. Хочется верить, что когда-нибудь её дневники и письма станут учебниками жизни будущих поколений.

P.S. Две женщины, которых уже нет, но которые навсегда поселились в моём сердце. Обе пожилые, ровесницы, обе – Нины Сергеевны. И хотя они были совершенно разными и даже не были знакомы друг с другом, их многое объединяло, и, главным образом, то, что можно обозначить двумя словами: талант жить. Это постоянная потребность быть в гармонии с собой, со своей душой, совестью. Глубочайшая порядочность. Страстный интерес к мировой культуре, к русской литературе, поэзии. Полнота ощущения жизни, радости бытия. Абсолютное бескорыстие, сердечность, стремление помочь, отдать, сотворить добро. Неистощимая жизненная энергия, сила воли и духа. Великие русские женщины! Нет нового Некрасова, который воспел бы их. Уходят последние могикане, героическое поколение, без которых народ – неполный. Но я счастлива, что они были. Что они есмь.